

An aerial, black and white illustration of a city, likely Moscow, showing a dense urban layout with a prominent river (the Moskva River) winding through the center. The buildings are rendered in a detailed, textured style, and the overall perspective is from a high angle looking down.

*Михаил Молотов*

# **СЕРЫЙ ГОРОД**

6+

# Михаил Степанович Молотов

## Серый город

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=65801294](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65801294)*

*SelfPub; 2022*

### **Аннотация**

Где могут встретиться простой человек и робот-экскурсовод по музею современного искусства? Нет, не в музее, а в странном Сером городе. Впрочем, всё не совсем так...

# Михаил Молотов

## Серый город

– Человек! Челове-ек! – эхом разнеслось между зданий.

Мужчина в костюме вздрогнул всем телом и стал растерянно озираться по сторонам.

– Где я? – негромко спросил мужчина, рассматривая высокие серые здания, казалось, утыкающиеся в такое же серое небо, и сливающиеся с ним, где-то высоко в серой дымке.

– Ты в городе, человек, – ответил ему тот же немного дребезжащий голос.

– Кто со мной говорит?

– Я сзади тебя. Обернись. Я робот-экскурсовод.

Человек обернулся и увидел поодаль белый цилиндр, который сразу подъехал ближе к нему.

– Что это за город? Где я? – удивлённо спросил человек, рассматривая приблизившегося робота.

– Я не знаю, – сразу ответил робот. – Я простой робот-экскурсовод по музею современного искусства. Я не знаю где ты, человек.

Внезапно мужчина склонил голову и сжал её руками, его немного покачивало.

– Меня зовут Герман, – наконец сказал он.

– Очень приятно, Герман. Я робот-экскурсовод, моё имя Арти.

Герман опустил руки, поднял голову и пристально посмотрел на робота:

– Арти, а здесь есть ещё люди? Или другие роботы?

– Нет. Никого нет.

– Должен же быть хоть кто-то в таком большом городе.

Ничего не понимаю... А как ты здесь оказался, знаешь?

Робот как-то странно то ли пискнул, то ли свистнул и ответил:

– Нет. У меня нет данных. Но я знаю всё, что касается экскурсий по музею современного искусства.

Мужчина сел на высокий бордюр у дороги, обхватил голову руками и так и сидел.

– Герман, тебе плохо? – участливо спросил робот.

Герман поднял голову и долго смотрел на, казавшийся чуждым здесь среди сплошного серого фона зданий, говорящий белый цилиндр, после чего кивнул головой, вздохнул и ответил:

– Я совсем не помню, как я здесь оказался. Даже о самом себе очень мало воспоминаний. Это словно какой-то навязчивый дурной сон, от которого я никак не могу проснуться. И ты тоже ничего не помнишь?

– Я робот-экскурсовод, моё имя Арти, – уверенно ответил робот.

Мужчина едва заметно улыбнулся:

– Похоже у нас с тобой амнезия. Ты знаешь, что такое амнезия, Арти?

– Да. Это потеря памяти. А ещё... – робот замолчал, затем издал несколько звуков похожих на прерывистый свист, подъехал чуть ближе и продолжил: – есть такой экспонат в нашем музее. Представь, множество висящих в воздухе прямоугольных кусков стекла разного размера. Какие-то из них абсолютно прозрачны, а какие-то отражают яркий свет ламп и переливаются разноцветными бликами. И этих бликов так много, что сквозь их скопление невозможно ничего рассмотреть. Это и есть «Амнезия». Вот что гласит аннотация к этому экспонату: Амнезия. Что же это? Отсутствие чего-то? Как прозрачное стекло. Или что-то мешающее увидеть из-за бликов на нём?

– Глубоко, – только и смог сказать Герман.

– Современное искусство оно такое. Другого не держим, – ответил робот и опять присвистнул, как показалось Герману, радостно.

– Я в современном искусстве ничего не понимаю, – угрюмо ответил Герман.

– Это не сложно. Главное в современном искусстве – это зерно идеи, замысел создателя. Стоит его ухватить, и ты из равнодушного прохожего становишься вовлечённым зрителем.

– Всё это конечно здорово, но что мне делать? Я не знаю, где я. И вообще плохо соображаю. А ещё мне кажется, что у меня что-то с глазами: этот город слишком серый, такого не бывает. Серые высотки, серое низкое небо, серые тротуары

и дороги. Ни деревьев, ни знаков или рекламы, ничего нет.

– А я?

– Ты есть и, несмотря на твой белый цвет, и простую форму, мне кажется, ты здесь немного не к месту.

Робот опять радостно свистнул и ответил:

– Да, это я.

– Что же мне делать? – едва слышно сказал Герман. И уже громче обратился с вопросом к роботу: – Арти, как я здесь появился? Ты видел?

– Нет. Я только услышал эхо твоих шагов и какое-то время пытался тебя найти. Среди этих одинаковых зданий и длинных прямых улиц это было непросто, знаешь ли.

– Да, здесь очень тихо. Даже наш негромкий разговор имеет еле слышное эхо.

– Ага, а потом я увидел тебя. Ты стоял, закрыв глаза, посреди улицы. После этого я и позвал тебя.

Герман встал со словами: «Ничего не помню. Кошмар» и вышел на середину широкой серой дороги, разделённой светло-серой разметкой. Он прошёл немного вперёд до ближайшего перекрёстка и, стоя в самом его центре, внимательно рассмотрел все четыре открывшиеся ему направления.

– Они абсолютно одинаковые, – немного растерянно сказал он подъехавшему роботу.

– Кто?

– Улицы, дома, – сказал Герман и пошёл к следующему перекрёстку, а робот последовал за ним.

И пока они шли, их сопровождал звук шагов Германа, отражающийся от фасадов зданий коротким и звонким эхом. Герман остановился посередине перекрёстка и снова осмотрелся по сторонам.

– Так и думал, то же самое. Арти, ты это видишь?

– Не могу оценить, – сразу ответил робот.

– Всё это очень странно. Мне это что-то напоминает, но не могу вспомнить что.

Робот медленно проехался вокруг него, негромко попискивая, и Герман задумчиво сопровождал его взглядом. Наконец робот остановился перед ним и произнёс:

– Может быть это поможет? – и совершенно другим голосом продолжил:

Где за тучами – как полог,  
Солнце скрыто, недвижимо,  
В зеркалах, как мутный сумрак,  
Время замерло пугливо.  
Где способен Бог рехнуться,  
Дар бессмертия недорог.  
Где не чёрен даже ворон...  
Серый,  
Серый, серый  
Город.

Герман попросил Арти прочитать этот стих ещё раз, и по-

сле этого, немного растерянно, сказал:

– Очень знакомое стихотворение и голос как будто знаком. Но откуда? Подожди... Я что-то припоминаю... Кто-то мне совсем недавно рассказывал... Странно, будто всё случилось очень давно. Страшилка, предание или странная легенда... о сером-сером городе.

– Расскажи, – сразу отозвался робот.

– Голова закружилась. Сложно сосредоточиться... Сейчас, – Герман несколько раз глубоко вздохнул и продолжил: – Не могу точно сказать. Это, наверное, детская страшилка... Впрочем, нет, скорее странная история, я даже не помню, кто и когда мне её рассказал, но сейчас она словно стала явью. История-страшилка о сером-сером городе. Абсолютно пустом городе, где нет никого, кроме тебя, одинаковых серых зданий и эха твоих шагов.

– И почему это страшилка? – осторожно спросил робот.

– Сложно сказать. Как ты поймёшь? Ты же робот.

Арти пару раз громко пискнул.

– Расскажи!

Герман пожал плечами и после недолгого раздумья начал:

– Ну, хорошо. Представь. Человек очутился или очнулся в странном городе: всё вокруг него было серым. Светло-серым, тёмно-серым, но ни белого, ни чёрного, ни какого-либо другого цвета. Он долго рассматривал себя и всё вокруг, подходил к зданиям, столбам и скамейкам, рассматривая их так близко, словно обнюхивал. Потом он стал хлопать в ла-



доши, громко кричать и долго прислушиваться после каждого своего крика. Вскоре ему это надоело, и он просто пошёл вперёд прямо по середине широкой пустой серой дороги. Он шёл долго, поначалу лишь с любопытством осматриваясь, но всё же не останавливаясь и не меняя направления. На перекрёстках он ненадолго замирал и быстро осматривался по сторонам, однако никогда не сбивался с прямого пути и шёл дальше, шаг за шагом. Один перекрёсток сменялся другим, потом ещё одним и ещё. И вот он шёл и шёл, всё дальше и дальше, но вокруг него ничего не менялось: те же высокие серые здания, те же серые тротуары и дорога, и даже эхо шагов то же самое, а он всё шёл и шёл, и шёл. В какой-то момент он закрыл уши ладонями – так ненавистны стали ему звуки его шагов и их эхо, однако идти не переставал. Однако вскоре темп его шагов всё же стал замедляться, и на одном из перекрёстков он остановился и закричал. Кричал он очень громко и долго, не убирая ладоней от ушей, а когда окончательно охрип, то снял с ноги ботинок и бросил его в окно ближайшего здания, но ботинок не долетел, так как было далеко и просто упал за одну из серых скамеек, где человек уже не мог его увидеть. Обессиленный, он сел прямо на дороге и, сняв второй ботинок, поставил его аккуратно перед собой, по направлению своего движения. Он ещё немного посидел, о чём-то вздыхая, после чего встал и, опустив голову, стал медленно удаляться...

Арти вопросительно присвистнул и спросил:

– А робот там был?

– Нет, никакого робота не было. Никого не было, даже насекомых, даже ветра. Человек устало всё шёл и шёл, пока не дошёл до, как ему казалось, следующего перекрёстка и обернулся назад, но ботинка не увидел. Совершенно точно, он должен был его видеть с такого расстояния, но ботинка не было. Он списал это на свою сильную усталость и посмотрел ещё раз, но ботинка не оказалось. У него было одно обязательное правило: чтобы не сбиться с пути на перекрёстках, он никогда не оборачивался всем телом, только поворот головы – так он сохранял направление движения. Он несколько раз обернулся, чтобы проверить, действительно ли ботинка нет, но всё же развернуться полностью не смел. И после недолгого раздумья он достал из кармана платок и оставил его на перекрёстке, а сам пошёл туда, где, как он думал, должен был быть ботинок... но ботинка не было. Тогда он вернулся на перекрёсток, с которого пришёл, но свой платок не поднял, а пошёл дальше. И дойдя до следующего перекрёстка, он опять обернулся... платок был на месте.

– Значит он сбился с пути и поэтому не увидел ботинок? – осторожно спросил Арти.

– Да. Он очень надеялся, что не увидел его, потому что ботинок просто таинственно исчез, и, значит, он так же не увидит, оставленный им платок. Но когда он обернулся и всё же увидел платок, то лишь опустил голову и тяжело вздохнул. У него уже не было сил даже злиться.

Арти протяжно и низко свистнул и спросил:

– Мог ли он не заметить, как свернул не туда?

– Думаю, да. У него не было воды и еды, он очень устал и скорее всего страдал от обезвоживания. Вполне вероятно, что он мог временами впадать в забытье. Но, несмотря на всё это, он продолжил идти вперёд. Он оставил далеко позади перекрёсток с лежащим в центре платком и уже давно перестал считать перекрёстки после. Но внезапно его буквально пронзила одна мысль, которая раньше почему-то не приходила ему в голову, и он остановился. Как же так получилось, что несмотря на все его усилия, он потерял точку отсчёта? А правильное ли это направление? И куда он идёт сейчас? Да, все дороги в этом сером городе выглядели одинаково, но ему было очень важно знать откуда он начал путь и почему выбрал именно это направление. Знать, где, то место, с которого он начал этот монотонный и казавшийся нескончаемым путь, который, судя по всему, уже очень скоро завершится вместе с его жизнью. Даже понимая, что уже не сможет вернуться, ему было очень важно знать, что он не свернул с выбранного пути, что он не потерялся... что в его долгом пути был, пусть и иллюзорный, но смысл. И вот теперь он вдруг осознал, что всё оказалось напрасным. И его отчаянию не было предела. Силы оставили его... Он лёг на спину прямо на середине дороги, чуть улыбнулся пересохшими губами, и уже никогда не сводил взгляда с низкого серого неба.

Арти два раза вопросительно свистнул, чуть отъехал от

Германа, затем опять приблизился и сказал:

– Спасибо, что рассказал. Позволь, я запомню этот рассказ?

Но Герман не ответил, а только утвердительно кивнул головой, после чего опять стал смотреть вдаль. А робот тем временем спросил:

– Хочешь комментарий от начинающего искусствоведа? – и не дожидаясь ответа задумчивого человека, продолжил: – Знаешь, серый – такой цвет словно цвета в нём и нет. Все цвета в сумерках становятся серыми, будто серый – это любой цвет в плохом освещении. Но не их смешение и не тот грязный, и непонятный цвет от субтрактивного смешения красок всех цветов, а именно недостаток освещения, отсутствие света достаточного смотрящему, делает любой цвет серым. Понимаешь? Получается, что это не ошибка или изъян самого произведения, на которое ты смотришь, а недостаток вне его: или качество среды, или проблема смотрящего.

– Ты хочешь сказать, что эти здания и то, что я вижу, на самом деле не серые?

– Серые – это слишком простое, блеклое, тусклое слово для того, что нас окружает. Я так думаю, разве разнообразие цветов определяет, насколько хорошо то, что ты видишь? Это ты рассказал о сером городе, а то, что нас сейчас окружает – это другой город, – робот едва заметно дёрнулся, снова свистнул несколько раз и добавил: – Кстати, есть ещё fuga “Серый город” современного композитора Петра Скрябина.

Он любил говорить о цвете в музыке и считал серый не только смешением неярких цветов, но и полифонией определённых звуков, что и попытался выразить в этом произведении. Хочешь послушать?

– Интересно. Включи, пожалуйста.

Негромко заиграла музыка, показавшаяся Герману какофонией звуков. Но уже скоро что-то привлекло его внимание:

– Арти, сделай громче, – сказал он роботу.

Музыка заиграла громче, и к звучанию инструментов присоединилось эхо. Неожиданно это добавило гармонии и объёма, какофония звуков ушла, и Герман даже дослушал фугу до конца. Ещё какое-то время он стоял молча, вслушиваясь в затухающее эхо последних нот прозвучавшей фуги.

– Хм, я не поклонник такой музыки, но эта чем-то зацепила, – наконец сказал он.

Внезапно Арти издал уже не те пискки, которые он издавал прежде, а из него прозвучали две совершенно чистые ноты: до и соль. Они прозвучали громко, протяжно, и их эхо было таким же чистым и приятным. Герман не знал откуда он понял, что это именно эти ноты, но их сочетание ему явно понравилось. И пока он изумлённо смотрел на робота, тот сказал:

– Мне кажется, я понял о чём был твой рассказ, человек, – сказал негромко робот.

– И о чём? – удивлённо спросил Герман.

– Этот рассказ о сером городе – аллегория жизни. Твоей жизни. Это о твоих сомнениях в правильности выбора жизненного пути. А ещё о твоей неуверенности в том, что вообще есть смысл выбора. И сожаление, что не можешь вернуться туда, где мог всё поменять.

Герман ответил не сразу. Сначала он задумчиво смотрел на робота, но через минуту сказал:

– Знаешь, а ты прав.

– Конечно, я прав, – сразу ответил робот и несколько раз громко свистнул. – Ты не первый чьё произведение я разбираю...

– Произведение?

– Да, человек, на этом всё заканчивается. Я должен открыть тебе настоящее. Герман, всё что ты здесь увидел и услышал – плод твоего воображения. На самом деле ты находишься в одном из залов музея современного искусства и добровольно стал участником инсталляции «Машина вдохновения». Эта машина – настоящее чудо и воплощение самых передовых знаний о мозге, продукт корпорации «Энцефалон Инжиниринг». Подключаясь к этой машине, даже самый обычный человек способен творить. И иногда получаются настоящие произведения искусства.

Герман недоверчиво посмотрел по сторонам и спросил:

– Так это всё музейная инсталляция? Как ты сказал, «Машина Вдохновения»?

Арти вопросительно присвистнул и ответил:

– Э-э-э, нет. То, что ты видишь, чувствуешь, слышишь – всё это твоё, создано тобой. Ты единственный создатель всего того, что видишь, слышишь и чувствуешь здесь. Кроме меня. Я робот-экскурсовод, моё имя Арти.

– И fuga Петра Скрябина?

– И она, ведь никакого композитора с таким именем и фамилией не существует, и инсталляция “Амнезия”, и стих тоже. И даже рассказ о сером городе. Как мне сейчас подсказывают, судя по активности мозга, ты не вспоминал этот рассказ, а именно сочинял. Какие-то обрывки схожих детских воспоминаний возможны, но в целом это исключительно результат твоего труда и вдохновения. А сама инсталляция – это то, благодаря чему ты смог всё это увидеть, почувствовать и воплотить. В этом смысл “Машины вдохновения”. Ты стал автором чудесных творений. И благодаря технологиям, вскоре их можно будет увидеть в залах нашего музея. Тебе понравилось, человек?

– Да, это впечатляет... – растерянно ответил Герман. И вновь всматриваясь в окружающие его здания серого города, спросил: – Как мне покинуть это место?

– Если готов, просто коснись меня...

Герман открыл глаза и увидел несколько улыбающихся людей. Они сняли с его головы что-то на подобии шлема и помогли ему выбраться из кресла. А уже выходя из помещения, он увидел, как его место заняла женщина и её тоже ста-

ли подключать к «Машине вдохновения».

– Человек! Чело-ве-ек! – позвал робот женщину, идущую вдоль берега океана, над водами которого с громким криком летала чайка...